

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

которая расскажет вам о том, как в чудесном камне зародилась жизнь и как появившееся на свет существо, благодаря стремлению к самоусовершенствованию, постигло Великое учение

Стихи гласят:

Когда владел вселенной хаос темный,

То покрывали весь простор огромный

И мрак, и мгла, и мутная вода,

Людского не виднелось здесь следа.

С тех пор, когда Пань-гу в порядок стройный

Привел начальный хаос беспокойный,

Земля и Воздух им разделены

И каждому созданию даны.

Так почвою земля отныне стала,

И небо распростерло покрывало;

За эту милость тварь благодарит,

Все принимает совершенный вид.

Пусть тот, кто пожелает разуменья

Великого потока становленья,

«На Запад путешествие» возьмет,

Внимательно и тщательно прочтет!

Говорят, что жизнь вселенной исчисляется циклами. Полный цикл длится 129 600 лет. Цикл в свою очередь делится на двенадцать периодов, или двенадцать земных ветвей: Цзы, Чоу, Инь, Мао, Чэнь, Сы, У, Вэй, Шэнь, Ю, Сюй и Хай. Продолжительность такого периода 10 800 лет.

Если говорить о периодах применительно к суткам, то мы узнаем, что каждый период длится два часа. В период Цзы (между 11 часами вечера и часом ночи) появляется положительное начало созидания; в период Чоу раздаётся пение петуха. Когда наступает Инь, ещё не светает, а во время Мао уже всходит солнце. Период Чэнь приходит после того, как люди поедят, а в период Сы приводятся в порядок дела. Полдень приходится на У, во время Вэй солнце

начинает катиться на запад, в период Шэнь день уже клонится к вечеру. В период Ю солнце заходит за горизонт, когда наступает Сюй спускаются сумерки, и в период Хай все люди отходят ко сну.

Если теми же периодами исчислять историю мироздания, то происходит следующее. К концу периода Сюй вселенная погружается во мрак, и для всех живых существ наступают бедствия. По истечении 5400 лет, в начале периода Хай, не остается даже следов человека. Все окутано мраком. Поэтому-то и называют период Хай царством хаоса. Но проходит еще 5400 лет и перед концом периода Хай появляются признаки чистоты, а при приближении периода Цзы начинается постепенное просветление. Об этом периоде Шао Кан-цзе говорит так:

По середине Цзы

Зима была бессменно,

И неподвижно

Замер центр вселенной.

С движеньем

Животворного начала

Явленье жизни

Вэй знаменовало.

Только в этот период возникают признаки образования неба. Через следующие 5400 лет, в период Цзы, чистые пары возносятся вверх и появляются солнце, луна, звезды и разные созвездия, называемые четырьмя видами небесных светил. Недаром говорят, что небо появилось в период Цзы.

По истечении следующих 5400 лет, когда период Цзы уже завершается и приближается период Чоу, начинает появляться твердь. Вот что написано об этом в книге Ицзин.

Нет меры беспредельности небесной,

О, как земля огромна и чудесна!

Законы неба держат в подчиненье

Всего живого в мире зарожденье.

К этому времени масса земли начинает сгущаться, постепенно затвердевает. Проходит еще 5400 лет, и в период Чоу твердеющая масса опускается; образуются вода, огонь, горы, камни, земля — пять элементов, которые получили название пяти стихий. Поэтому и говорят, что земля появилась в период Чоу.

Через следующие 5400 лет период Чоу кончается, и с наступлением периода Инь на земле зарождается жизнь. Вот что написано об этом времени в календаре:

Дух неба опустился с высоты,

И к небесам свой дух земля послала,

От сочетанья неба и земли

Живого на земле первоначало.

В период Чоу небо полностью отделяется от земли и силы Ян и Инь — положительного и отрицательного начал — приходят во взаимодействие. Проходит еще 5400 лет, и наступает период Инь. В этот период появляются живые существа и человек. Недаром говорится, что к этому времени три начала — Небо, Земля и Человек — заняли свои места. Вот почему и говорят, что человек появился в период Инь.

После того как Пань-гу преобразовал первобытный хаос на земле, три императора устроили мир, а пять императоров установили отношения между людьми. Земля разделилась на четыре больших материка: Пурравидеха, Джамбудвипа, Го-данья и Курудвипа. Но в нашей книге речь пойдет лишь о материке Пурравидеха.

Была за морем страна и называлась она Аолайго. Страна эта прилегала к великому морю, посреди которого возвышалась Гора цветов и плодов. Она образовалась после того как отделились друг от друга небо и земля и был положен конец хаосу. От этой горы шли подземные жилы, питавшие десять больших островов и являвшиеся источником благоденствия трех малых островов, населенных небожителями.

Это была поистине чудесная возвышенность, доказательством чего служит хвала, которую ей воздали в стихах:

Она по положенью своему

Владычицею стала над морями,

По грозному величью своему

Над бурными господствует морями.

Волн перламутр смиряется пред ней,

Но если волны серебристо-серы,

И кажутся горами серебра,

То рыбки робко прячутся в пещеры.

Когда ж она в величии своем
Встает державно, над волной зеленой,
Чудовище, живущее на дне,
Вдруг выплывает из морского лона.

И деревья стихии, и огня
Взлетают ввысь, зияет море щелью,
Здесь вся гора в обрывах страшных скал,
Здесь красные, глубокие ущелья.

Здесь фениксов четы всегда поют,
Уходят ввысь заостренные пики,
А у подножья гор лежит Цилинь,
Фазанов золотых не молкнут крики.

И часто можно видеть у пещер
Драконов, выходящих и входящих,
И можно встретить оборотней лис,
Оленей долговечных в горных чащах.

И птицы там разумные живут,
Там аист мудрый, там прекрасны сосны,
В цветенье вечном редкие цветы,
И персики волшебно плодоносны.

И кажется весенним кипарис,
А на бамбуке задержались тучи,
Всегда свежа и зелена трава,
В долинах горных — сеть лиан могучих.

Поистине возможно говорить,

Что многих рек здесь чудное скрещенье,
Что эту гору — корень всей земли —
Не возмутят стихийные волнения,
Что бедствия бессильны перед ней,
Она стоит твердыней непреклонной,
Поддерживая весь небесный свод,
Как непоколебимая колонна.

На вершине Горы цветов и плодов стоял волшебный камень, высотой в три чжана, шесть чи и пять цуней и окружностью в два чжана и четыре чи. Три чжана, шесть чи и пять цуней составляют триста шестьдесят пять цуней, что соответствовало тремстам шестидесяти пяти дням, в течение которых происходит смена года на земле. Два чжана и четыре чи составляют двадцать четыре чи, что соответствует двадцати четырем периодам года, указанным в императорском календаре. На горе было девять углублений и восемь отверстий, что соответствовало восьми триграммам и девяти гунам в исчислении.

Вокруг этого камня не росли деревья, которые могли бы защитить его от горячих лучей солнца, однако там зеленела душистая трава и цвели чудесные цветы чжи-лань, приносящие долголетие.

Прошло много времени, и вот небо и благоухания земли, животворная энергия солнечных лучей и сияние луны словно вдохнули жизнь в скалу, и она зачала чудесный плод. Однажды скала эта раскололась и произвела на свет каменное яйцо величиной с мяч. Под действием ветра это яйцо постепенно развивалось и наконец превратилось в каменную обезьяну, наделенную всеми пятью органами чувств и четырьмя конечностями. Обезьяна сразу же выучилась карабкаться и бегать.

Прежде всего она поклонилась на все четыре стороны и, совершая поклоны, устремила свой взор вдаль. Сверкавшие золотом лучи ее глаз достигли дворца созвездия Полярной звезды, и сияние этих лучей так встревожило священного властителя неба — всемилостивого высочайшего Нефритового императора восседавшего в это время в тронном зале в высших сферах неба в окружении священных сановников, что он приказал своим придворным Всевидящему глазу и Всеслышащему уху открыть Южные ворота неба и разузнать, что происходит.

Выполняя приказ своего повелителя, оба небесных сановника вышли за ворота, тщательно все осмотрели, прислушались и, возвратившись, доложили:

— По вашему повелению мы установили, что золотистый свет исходит из страны Аолайго,

расположенной на материке Пурравидеха, в восточной части моря. Там стоит Гора цветов и плодов, а на ней священная скала. Скала эта произвела на свет яйцо, которое под действием ветра превратилось в каменную обезьяну. И вот, когда эта обезьяна совершала поклоны, лучи света, исходящие из ее глаз, достигли дворца Полярной звезды. Сейчас обезьяна стала пить воду и есть пищу, поэтому блеск ее глаз уже тускнеет.

Выслушав такое сообщение, Нефритовый император соизволил склониться, удостоил сановников взглядом и милостиво промолвил:

— Создания, живущие там, внизу, появились в результате взаимодействия животворной силы неба и земли, и поэтому подобное событие не может вызывать удивления.

Между тем, обезьяна, живя в горах, научилась ходить, бегать и скакать. Она питалась травой и растениями, утоляла жажду из ручьев и источников, собирала горные цветы и отыскивала на деревьях плоды. Ее постоянно сопровождали волки и пантеры; она была дружна также с тиграми и барсами, ланями и оленями. Родственные ей породы обезьян окружали ее. На ночь обезьяна устраивалась под утесами, а с наступлением дня отправлялась бродить по горным пикам и ущельям. Поистине про нее можно было сказать:

В горах мгновеньям

Не ведётся счет,

Кому же знать,

Который ныне год?

Однажды утром, когда уже наступила сильная жара, обезьяна в сопровождении своих приятелей, укрывшись в тени сосен, предавалась играм и забавам. Вы только посмотрите, что они проделывали:

Взбирались они на деревья,

В игре проводили все дни,

Но Будду они почитали,

И кланялись небу они.

Карабкались резво по веткам,

И в ямы бросались стремглав,

Песчаные строили башни

И туфли сплетали из трав.

Искали плодов они вкусных,
Красивых цветов для венка,
Купались они и плескались
В прозрачной воде родника;

Чесались, ища насекомых,
И блох выгрызали в шерсти,
Толпились, теснились, толкались,
Другим не давая пройти.

И вот как-то раз это стадо обезьян, вдоволь нарезвившись, отправилось к горному потоку купаться.

Глядя на его бурные воды, которые перекачивались, словно дыни, обезьяны задумались. «И птицы и животные имеют свой язык» — гласит старая поговорка.

— Никто не знает, откуда течет эта вода,— говорили между собой обезьяны.— Делать сегодня нечего, не отправиться ли нам ради забавы вверх по течению потока, чтобы посмотреть, откуда он берет свое начало! Кликнув младших и старших братьев, таща за собой детенышей, они с веселым шумом гурьбой стали карабкаться в гору, к тому месту, откуда начинался поток. И здесь они увидели водопад. Это было поистине великолепное зрелище.

Здесь, радугою трепеща,
Спадала лента водопада.
И в мириадах брызг цветных
Стояла горная громада.

Морского ветра никогда
Не прекращалось дуновенье.
Стекавший по траве ручей
Поил прибрежные растенья.

Холодный воздух наполнял

Скалистых круч разрез природный.

Поистине тот водопад

Был дивной занавесью водной.

— Что за прелесть! Какая чудесная вода! — в один голос закричали обезьяны, хлопая от восторга в ладоши. — Так вот откуда, оказывается, вытекает поток. Беря начало у подножья этой горы, вода проделывает огромный путь к далекому морю. Если бы среди нас нашелся кто-нибудь, кто решил бы проникнуть через этот водный занавес, — продолжали они, — и вернулся бы цел и невредим, мы сделали бы его своим царем.

И вот, когда они повторили это несколько раз подряд, из толпы выскочила каменная обезьяна.

— Я пойду! Я пойду! — громко крикнула она.

О, дорогая обезьяна! —

Ведь это вызвалась она!

В тот день решающий, великий

Она прославиться должна.

Ей уготовано жилище

И предназначены пути,

Чтоб в этот самый день отсюда

В чертог небесных сил взойти.

Теперь послушайте, что сделала наша обезьяна. Она зажмурила глаза, присела на корточки, затем распрямилась и одним прыжком перемахнула через струю водопада. И вот, когда она открыла глаза и, подняв голову, осмотрелась, ни воды, ни волн уже не было. Ее глазам представился большой мост во всем блеске.

Замерев на месте, она с затаенным дыханием стала рассматривать его. Мост был сделан из железа. Вода под ним била струей из скалы и затопляла вокруг все пространство.

Наклонившись немного вперед, обезьяна взобралась на мост и, осмотревшись по сторонам, вдруг увидела перед собой что-то вроде жилища. Что это было за прекрасное зрелище!

Всюду расстился

Мох ковром зеленым;

Облака скользили

Вдаль по небосклону.

Влага чуть сочится
Из расселин в скалах,
Как глаза драконьи,
Светится в кристаллах.

Есть цветы живые
И теперь в жилище;
На столах остатки
И питья и пищи;

Очага обломки,
След огня бывшего...
И казалось, люди
Поселятся снова.

Рос бамбук у входа,
Зеленели сосны,
Зацветала слива,
Сеял дождик росный.

Обезьяна долго рассматривала все это, затем перебралась на середину моста и здесь увидела каменную плиту, на которой большими квадратными знаками была сделана надпись: «Благословенная земля на Горе цветов и плодов, Пещера водного занавеса — обитель бессмертных».

Прочитав это, обезьяна пришла в неистовый восторг. Она бросилась назад, закрыла глаза, присела и, сделав прыжок, снова очутилась за струей водопада.

— Ну и удача! — громко закричала она. — Нам просто счастье привалило!

— Что же там такое? — окружив ее, стали расспрашивать другие обезьяны. — Очень глубоко?

— Да там совсем нет воды,— отвечала каменная обезьяна.— Там стоит большой железный мост, а рядом с ним возвышается дом, созданный самим небом и землей.

— С чего ты взяла, что это дом? — снова спросили ее.

— А вот с чего, — продолжала каменная обезьяна, — вода вырывается из расщелины в скале и, протекая под мостом, заполняет собой все пространство. А за мостом, там где растут цветы и деревья, стоит каменный дом. В нем все сделано из камня: и котлы, и очаги, и чашки, и посуда, а также кровати и скамьи. Я видела там каменную плиту с надписью: «Благословенная земля на Горе цветов и плодов, Пещера водного занавеса—обитель бессмертных». Это великолепный уголок для нас. Там очень просторно и места хватит на тысячи таких, как мы. Давайте все вместе отправимся туда и станем жить. Это будет для нас прекрасным убежищем в любую погоду.

Возможно было спрятаться от ветра,

Убежище подобное найдя,

Возможно было отдыхать спокойно,

Не опасаясь бури и дождя.

Возможно было не бояться снега;

Сюда не долетал весенний гром...

Здесь розовое облако блистало,

Дышал благоуханьем светлый дом.

Бамбук вставал и зеленели сосны,

Был круглый год прекрасен их убор;

Здесь никогда цветы не увядали

И красотой восхищали взор.

Выслушав каменную обезьяну, остальные обезьяны пришли в восторг и закричали:

— Ну, что же, в таком случае ты иди первая и веди нас за собой.

Тут каменная обезьяна снова закрыла глаза, присела на корточки и прыгнула.

— Следуйте за мной! — крикнула она.— Идите все сюда! Те, что были посмелее, тотчас же прыгнули вслед за ней, а трусливые лишь вытягивали и втягивали, голову, почесывали за

ушами и потирали от волнения щеки. Но наконец вся ватага с шумом и криком ринулась вперед, и вскоре все они очутились за водопадом. Тут обезьяны стали карабкаться на мост, хватать тарелки и чашки, дрались друг с другом из-за очагов и кроватей, перетаскивали вещи с места на место, словом, вели себя так, как и полагается обезьянам, обладающим буйным, озорным характером. Они ни на минуту не успокоились до тех пор, пока вся эта суматоха окончательно не утомила их. Лишь тогда они притихли. Тут каменная обезьяна уселась на возвышении и, приняв чинный вид, заявила:

— Друзья мои! Пословица гласит: «С человеком, которому нельзя верить, не следует иметь дела». Не вы ли только что говорили, что того, кто сумеет пройти сюда и возвратиться невредимым, вы сделаете своим царем. И вот я не только вошла сюда и возвратилась назад, но и привела всех вас на это место, нашла убежище, где вы можете спокойно отдыхать, спать и наслаждаться благополучием людей, имеющих свое собственное жилище. Почему же вы не приветствуете меня как своего повелителя?

Выслушав это, обезьяны почтительно сложили ладони рук и выразили свою покорность. Затем все они выстроились в ряд по старшинству и, почтительно кланяясь ей, воскликнули:

— Да здравствует великий государь!

Взойдя на возвышение, обезьяна не пожелала больше называться «каменной», а стала величать себя: «Прекрасный царь обезьян». Об этом рассказывается в стихах:

Если пробуждается природа,
Силы жизни в ней пробуждены.
И таит в себе священный камень
Семена и солнца и луны.

Из яйца родилась обезьяна,
Постепенно к истине пришла,
Имя новое себе снискала
И бессмертья камень обрела.

Внутреннюю сущность обезьяны
Невозможно было бы познать —
У нее нет образа и формы,
Как же этот образ начертать!

Внешнее же было очень ясно —
Ведь таков весь человеческий род:
Государем быть захочет каждый,
Мудростью снискать себе почет.

Возглавив обезьянье царство, Прекрасный царь обезьян разделил своих подданных на группы и распределил между ними должности сановников и их помощников. Днем обезьяны разгуливали по Горе цветов и плодов, а с наступлением ночи устраивались на ночлег в Пещере водного занавеса. Жили они в дружбе и согласии, от птиц и зверей держались особняком. Сердце Царя обезьян было исполнено радости: ведь он стал независимым правителем. Поистине:

И пища и питье
Для них цветы —
Весной;
Плоды
Они вкушали
В летний зной;
А овощи
Их осенью питали;
Увядшую траву
Зимой собирали.

Довольно долго наслаждался этой простой, беззаботной жизнью Прекрасный царь обезьян, пока однажды, когда все обезьяны предавались веселью на пиру, он вдруг загрустил и разразился слезами. Увидев это, обезьяны встревожились, выстроились перед ним и, почтительно склонившись, спросили:

— Что вас так опечалило, великий государь?

— Даже сейчас, во время веселья, меня не покидает забота о будущем; вот о чем я печалюсь,— ответил им Прекрасный царь обезьян.

— Никак не угодишь на вас, великий государь,— сказали в ответ на это смеясь обезьяны.— Мы, что ни день, весело проводим время, живем в благословенных местах среди волшебных гор, в древних пещерах и на священных островах. Мы не подвластны ни единорогу, ни фениксу. Нас не притесняют также правители людей, и мы наслаждаемся полной свободой и безграничным

счастьем. Что же может заботить и печалить вас, великий государь?

— Хотя сейчас мы и не подчинены законам человеческих правителей и можем не бояться ни зверей, ни птиц, но вот в будущем, когда я состарюсь и стану дряхлым, в один прекрасный день владыка преисподней Янь-ван прервет мою жизнь. Так разве не напрасно проживу я свою жизнь, если не сумею добиться бессмертия и остаться навсегда среди небожителей?

Выслушав это, обезьяны закрыли лица руками и горько заплакали; каждая из них думала о своем смертном уделе и бренности жизни. Вдруг в этот момент выскочила вперед какая-то обезьяна и громко крикнула:

— Раз вы, великий государь, стали беспокоиться о будущем, то это значит, что в вас зародилось стремление познать путь Истины — Дао! Из живущих на земле существ только три категории не подчинены владыке преисподней Янь-вану.

— Что же это за категории? — с живостью спросил царь.

— Это — Будда, бессмертные и мудрецы, — отвечала обезьяна. — Они не подчиняются законам жизни, перевоплощения и разрушения; они вечны, как небо и земля, как горы и реки.

— А где же находятся эти небожители? — спросил повелитель обезьян.

— Они живут в стране Джамбудвипа, на священной горе, в древней пещере, — отвечала обезьяна.

Услышав это, Царь обезьян очень обрадовался и сказал:

— Тогда я завтра же распрощаюсь с вами, спущусь с горы и отправлюсь вслед за облаками. Пусть даже мне придется идти на край света, я непременно должен найти бессмертных, чтобы научиться у них бессмертию и навсегда избежать власти Янь-вана — владыки преисподней.

И что же вы думаете?! Слова эти были сказаны не напрасно. Царь обезьян научился, как избавиться от мук перевоплощения и в конце концов стал Великим Мудрецом, равным небу.

А обезьяны громко захлопали в ладоши:

— Вот и чудесно! — кричали они. — Вот и прекрасно! Завтра мы обойдем горы и холмы, наберем фруктов и ягод и устроим большое пиршество в честь отъезда нашего повелителя.

И действительно, на следующий день обезьяны отправились собирать волшебные персики и невиданные плоды. Накопали горных корнеплодов, собрали лечебные травы, орхидеи, душистые цветы и другие удивительные растения. Все это они аккуратно разложили на

каменных скамьях и столах, а затем подали великолепную еду и напитки. Чего здесь только не было!

Вот пилюли золотые,

Шарики жемчужные!

Вот и вишни восковые,

Вишни в пору вьюжную.

Это косточки краснеют,

Мякоть — желтовата;

Цвет— чудесен; вкус приятен!

Сладость аромата.

Золотистые пилюли,

Жемчуга зернистые...

Вот плоды созревшей сливы,

Сочные, душистые!

Это косточки краснеют,

Мякоть желтовата,

Слива зимняя прекрасна,

Нежно-кисловата.

Плод похож на виноградный,

Кожица— атласная.

Плод лайчи с малюткой косточкой.

Мякоть — ярко-красная.

Яблоки приносят с ветками,

А кизил — с листочками;

Головам подобны заячьим

Эти груши сочные.

Формой финики кунжутные,
Как сердца куриные,
А плоды личжи, с агатовой
Твердой сердцевиною.

Абрикосы здесь и персики
Как вино небесное,
И бодрят они с похмелья
Сладостью чудесною.

Здесь лежат арбузы красные,
С семечками черными
И гранаты переспелые
С жемчугами-зернами.

Нежный вкус настоек грушевых
Чистых, прохладительных,
Виноградных вин и сливовых,
Крепостью живительных.

Апельсины, мандарины
Горкою высокою,
И хурма четырехдольная
И золотобокая.

Абрикос— годятся косточки
На заварку чайную;
Сок пьянящий пальм кокосовых,
Най — необычайные.

И орехов блюда полные,

С гор картофель жареный,
И фулин с целебной силой,
Медленно распаренный.

Но, хотя в еде изысканность
У людей встречается,
С дивной трапезой бессмертных
Стол их не сравнивается.

Своего повелителя обезьяны усадили на главном месте, а сами устроились ниже, в соответствии с возрастом и занимаемым положением. Братская чаша переходила из рук в руки, и каждая из обезьян старалась поднести царю вино, цветы, фрукты. Пир продолжался целый день. Назавтра Царь обезьян поднялся рано утром и распорядился:

— Дети мои! Срубите несколько старых сосен и сделайте из них плот. А затем найдите длинный бамбуковый ствол для шеста и соберите для меня плоды. Я отправляюсь в путь.

Когда все было готово. Царь обезьян взошел на плот. С силой оттолкнувшись от берега, он поплыл по волнам все дальше и дальше, направляясь прямо к морю. Благодаря попутному ветру он очень быстро добрался до границ страны Джамбудвипа. Вот что можно сказать про его путешествие:

Велик был совершенствования путь
У той, рожденной небом обезьяны;
Спустившись с гор, на маленьком плоту
Она пересекала океаны.

Ей было предназначено судьбой
Быть от земных страстен освобожденной,
И беспечально встретить на пути
Главнейшего, сильнейшего дракона.

Великую себе поставив цель,
Имела и великие деянья;

Она хотела с помощью друзей

Постигнуть все законы мироздания.

Надо сказать, что судьба благоприятствовала Царю обезьян. С того самого момента, как он взошел на плот и все время пока плыл, дул сильный юго-восточный ветер. Вскоре плот прибило к северо-западному берегу. Там начиналась страна Джамбудвипа. Измерив шестом глубину воды и убедившись, что здесь мелко, Царь обезьян оставил плот и вскарабкался на берег. На берегу было много народу. Одни ловили рыбу, другие охотились на диких гусей, третьи вылавливали из воды ракушек и устриц, сушили соль.

Приблизившись к ним, Царь обезьян стал проделывать всевозможные штуки. Это так напугало людей, что они побросали свои корзины и сети и разбежались кто куда. Лишь один из них от страха не смог бежать. Царь обезьян поймал его, сорвал с него одежду и нарядился, как это делают люди. Затем он с важным видом отправился разгуливать по городам и селениям, площадям и рынкам. Он перенял манеры и привычки людей, научился их языку. Утром он вставал и завтракал, вечером ложился спать. Все его помыслы были устремлены к тому, чтобы найти бессмертных и узнать у них секрет вечной юности.

Но, встречаясь с людьми, он убедился в том, что все они гонятся лишь за выгодой и славой и никто не думает о бренности жизни.

За выгодой или за славой,

Когда ж прекратится погоня?

С утра до отхода ко сну

Человек все мятется...

Имеет осла или мула,

И все недоволен,

И все он стремится

Себе завести иноходца,

Сановником будучи первым,

Мечтает о троне;

Все думы людей об одном,—

Как поест им сегодня, И нет даже мысли

О времени том неизбежном,

Когда призовет их Янь-ван —

Господин преисподней.

И все помышляют о том,
Чтоб оставить наследство,
Никто и подумать не хочет
О праведном деле,
О том, как прожить эту жизнь,
Восходя к совершенству,
В своем оставаясь
Назначенном кармой — уделе.

Все поиски Царя обезьян оказались тщетны — он так и не нашел бессмертных. Незаметно прошло лет девять. Продолжая свои поиски, он странствовал из города в город, от селения к селению, пока вдруг не очутился у Западного океана. Тут он решил, что за этим океаном непременно должны жить бессмертные. Тогда он соорудил себе такой же плот, какой у него был когда-то, и отправился в путь через Западный океан. Он плыл до тех пор, пока не достиг Западных земель. Выйдя на берег и внимательно оглядевшись вокруг, он увидел красивую высокую гору, покрытую густым зеленым лесом. А так как Царь обезьян не боялся ни волков, ни тигров, ни барсов, то он смело стал взбираться на вершину горы, чтобы узнать, что там есть. Гора поистине была прекрасна.

Словно трезубцы,
К небу вздымались
Тысячи пиков.

Множество лезвий
Ширмой колючей
Рядом вставали.

Ливни смягчили
Ярость блистанья
Солнечных бликов.

Средь испарений,
Как изумруды
Солнце играло.

Цепко лианы
Ствол обвивали,
Сохли, чернели.

Издавна тропы
Здесь обрывались
У переправы;

Стебли бамбука,
Стройные сосны
Здесь зеленели.

Склоны Пэнлая
Плотно покрыли
Пышные травы.

Неподалеку
Пели на склонах,
Дивные птицы,

И неумолчно
Чистых потоков
Слышался лепет.

Скалы, долины,
Луг в орхидеях
Шли вереницей...

То подымались,
То опускались
Горные цепи.

Местность удобна,
Чтоб предаваться
Здесь размышленью.

Мудрого мужа
Встретить смогу я
В уединенье.

И вот, когда Царь обезьян стал осматриваться кругом, до него из глубины леса донеслась вдруг человеческая речь. Он поспешил на голос, вошел в самую чашу и, внимательно прислушавшись, понял, что кто-то пел песню:

Пока глядел с восторгом дровосек,
Как шахматная шла игра,
За это время сгнила у него
Вся рукоятка топора.

«Я лес рублю в горах,
И слышен звук — дин-дин,
Я рядом с облаком
Иду среди теснин.

Продав дрова,
Вина себе купил,
И хохочу я
До потери сил.

Я осенью лежу,
Лицом к луне:
Сосновый корень,—
Как подушка, мне.

О, как высок

Осенний небосвод!

И вот рассвет

На труд меня зовет.

Вокруг меня

Знакомые места,

И я иду

На перевал хребта.

Рублю лианы

По обрывам гор,

В руках моих

Испытанный топор.

Когда же я

Вязанку наберу,

Пойду на рынок

С песней поутру.

И вот цена

Товару моему:

Три шэна риса

За него возьму.

Я по дешевой

Продаю цене,

И торговаться

Непривычно мне.

Ни заговоров

Я не составлял.

Ни хитростей.

Ни зол не замышлял.

Ни славе, ни позору

Не сродни,

Простая жизнь

Мои продолжит дни.

И тот, кого

Встречаю с простотой,

Иль дух бессмертный.

Иль земной святой.

Спокойно сидя,

Разъясняет он

Ученья Дао

Правильный закон».

Услышав это, Прекрасный царь обезьян несказанно обрадовался и подумал: «Здесь, конечно, обитает бессмертный!» Он подбежал поближе и, присмотревшись, увидел дровосека, который, взмахивая топором, рубил кустарник. Наряд дровосека был не совсем обычен:

Одетый непохоже на других,

Он — в шляпе из побегов молодых,

Бамбуковой, с широкими полями,

А поясок на нем расшит шелками.

Ногам его удобны и легки

Из скрученных травинок башмаки.

Халат на нем широкий, полотняный,

Из пряжи хлопковой искусно тканый,

В руке его поднят топор стальной,

И вот над расщепленную сосной

Взвивается веревка с коромысла:

Умело брошена,— петля повисла.

Тут Царь обезьян выступил вперед и сказал:

— Уважаемый бессмертный, ученик почтительно приветствует вас.

Дровосек, быстро отбросив топор, повернулся к подошедшему и, отвечая на приветствие, сказал:

— Вы ошибаетесь, уважаемый! Я простой невежественный дровосек и не в состоянии даже прокормить себя, как нее я могу называться бессмертным?

— В таком случае почему вы говорите так, как говорят бессмертные? — спросил Царь обезьян.

— Да что же я особенного сказал, что вы приняли меня за бессмертного? — удивился дровосек.

— Когда я был у опушки леса, — отвечал Царь обезьян, — то слышал, как вы говорили: «Тот, кого мне приходится встречать, либо бессмертный, либо праведник, и я спокойно сажусь с ним разбирать священную книгу Хуан-тин». А ведь книга «Хуан-тин» проповедует учение Дао. Кто же вы тогда, если не бессмертный?

— Ну что же, мне нечего обманывать вас, — промолвил, улыбаясь дровосек. — Этой песне, которая называется «Мань-тин-фан», меня действительно обучил бессмертный: он живет недалеко от моей хижины. Видя, сколько горя в моей жизни и как много и тяжело я работаю, он посоветовал мне, когда придет какая-нибудь беда, читать вслух слова песенки. «Это,— сказал он,— утешит тебя и избавит от многих трудностей». И вот как раз сейчас мне нелегко приходится, грусть одолевает, потому я и пел свою песенку. Однако я не предполагал, что вы слушаете меня.

— Но ведь ты живешь по соседству с бессмертным, почему же не стал его учеником? — снова спросил Царь обезьян. — Не так уж плохо было бы узнать от него, как остаться вечно молодым.

— Жизнь моя очень тяжела, — отвечал на это дровосек. — До девяти лет я жил с отцом и матерью. Но не успел я узнать жизнь, как отец мой умер. Мать осталась вдовой. У меня нет ни сестер, ни братьев, и мне одному приходится трудиться с утра до ночи, чтобы поддерживать ее. Сейчас моя мать уже стара, и я не вправе бросить ее. Кроме того, с нашего огорода, который запущен, мы не можем прокормиться и одеться, вот и приходится мне рубить хворост и нести его на рынок для продажи. На вырученные медяки я покупаю несколько доу¹ риса, сам возжусь у очага, готовлю пищу и чай и кормлю свою старую мать. Поэтому я и не могу стать учеником бессмертного.

— Судя по всему я вижу, что ты достойный человек и почтительный сын, — сказал Царь обезьян. — И за это в будущем, ты будешь, конечно, вознагражден. А мне все же хотелось бы повидать бессмертного.

— Да это совсем недалеко отсюда, — заметил дровосек. — Эта гора называется Священной террасой. В центре ее есть пещера под названием «Пещера косых лучей луны и звезд». Вот там и живет бессмертный. Имя его Суботи. Много было у него учеников, да и сейчас есть человек сорок. Вы идите вон по той тропинке и, когда пройдете на юго-восток семь-восемь ли, увидите его дом.

— Уважаемый брат, — обратился Царь обезьян к дровосеку, взяв его за руку, — пойдем вместе со мной. И, если там меня ждет удача, я никогда не забуду, что ты помог мне найти бессмертного.

— Ну до чего же трудно с тобой договориться, — отвечал Царю обезьян дровосек — Ведь я только что объяснял тебе, почему не могу идти, а ты все понять не можешь! Да если я пойду вместе с тобой, то у меня остановится работа. Кто же будет кормить мою мать? Нет, уж ты ступай один, а я буду рубить дрова.

После этих слов Царю обезьян не оставалось ничего другого, как распротиться с дровосеком. Он вышел из леса, отыскал нужную тропинку и отправился к бессмертному на гору. Пройдя ли восемь, Царь обезьян, увидел пещеру; он вытянул шею и осмотрелся кругом. Что за чудесное место! Да вы, читатель, сами посмотрите:

Вся в радуге — туманов пелена;

Сияют ярко солнце и луна,

И кипариса тысячи стволов

Вбирают жадно влагу облаков,

Бамбук высокий в тысячу колен

Листвой зеленой взял ущелье в плен,

И золотой парчой цветы лежат,

А травы льют у моста аромат.

Все заросло темно-зеленым мхом,

С вершины повисает он ковром;

Порой священным крикам журавля

Внимает потрясенная земля,

И фениксов прекрасные четы

Слетают постоянно с высоты.

Когда кричит журавль, протяжный звук

Летит и небо сотрясает вдруг;

Когда же длится фениксов полег,

В их оперенье радуга цветет;

Играя, в чаще спутанных лиан,

Мелькают стаи желтых обезьян,

Гуляют белоснежные слоны,

А тигры и видны и не видны —

Скрываясь, прячутся они в тени,

И снова появляются они.

К благословенной присмотришь стране — Она поспорит с раем в вышине!

Царь обезьян увидел, что дверь в пещеру крепко заперта. Кругом царила полная тишина, ничто здесь не напоминало о присутствии человека. Оглядевшись, Царь обезьян заметил на краю скалы камень, вышиной в три чжана и восемь слишнимчи в ширину. На нем была надпись большими иероглифами:

«Гора «Священная терраса», «Пещера косых лучей луны и звезд». Прекрасный царь обезьян пришел в неистовый восторг: «А народ здесь очень правдивый и честный,— подумал он.— И гора такая и пещера — все как дровосек сказал, так и есть».

Царь обезьян долго глядел на дверь, но постучаться не решался. Наконец он взобрался на верхушку сосны, стал там срывать сосновые шишки, грызть орехи и забавляться. Немного погодя он вдруг услышал скрип, дверь растворилась и из пещеры вышел божественный отрок удивительной красоты. От него так и веяло благородством, и он ничуть не был похож на обычных молодых людей. Да вы только взгляните на него!

Он в две косички волосы заплел

И ленточкою подвязал с боков;

И отличался у него халат

Свободной шириною рукавов.

У отрока был необычный вид:

Был чужд страстей всегда спокойный взор,

Ничто его не смело б загрязнить.

То был бессмертный отрок этих гор.

И шло вдали течение времен,

Которому был неподвластен он.

Появившись в дверях, отрок крикнул:

— Кто нарушает здесь тишину?

Тут Царь обезьян спрыгнул с дерева и почтительно поклонился.

— Божественный юноша, — сказал он, — я пришел для того, чтобы научиться бессмертию. Разве осмелился бы я бесчинствовать здесь?

— Ты пришел учиться бессмертию? — со смехом переспросил отрок.

— Да, — подтвердил Царь обезьян.

— Как раз сейчас после отдыха мой учитель вошел на кафедру читать проповедь, но, еще не начав ее, он велел мне выйти.

«Там за дверью стоит человек, который хочет заняться самоусовершенствованием, выйди навстречу ему», — сказал он. Это он наверное о тебе и говорил.

— Ну, конечно, обо мне, — смеясь сказал Царь обезьян.

— Тогда ступай за мной! — приказал отрок.

Царь обезьян оправил на себе одежду и вошел вслед за отроком в пещеру. И вот чем дальше они углублялись в пещеру, тем больше открывались перед ними огромные покои. Они проходили по величественным жемчужным залам и великолепным перламутровым палатам. В отдаленных покоях стояла какая-то необыкновенная тишина. Наконец они приблизились к возвышению из зеленой яшмы, на котором восседал сам патриарх Суботи. Кафедру окружало человек тридцать бессмертных учеников. Поистине:

На западе наставник он святой,

Великий непорочной чистотой;
И времени не подчинялся он;
Бессмертный, он в себе являл закон,
И был он в созерцанье каждый миг,—
Таким путем он святости достиг
И стал подобен вечным небесам;
Людское горе он изведal сам,
Но чистоту хранил и чувств и дел:
Все трудности свои преодолел,
И, умудренный святостью своей,
Наставником он сделался людей.

При виде патриарха Царь обезьян тотчас же распростерся перед ним и, без конца отбивая земные поклоны, бормотал:

— О, учитель! Я, твой ученик, пришел сюда с искренним намерением приветствовать тебя! Прими мое низжайшее уважение.

— Из какой страны явился ты? — спросил патриарх. — Ты вначале скажи, откуда ты родом, назови свою фамилию, а потом уж совершай поклоны.

— Я из Пещеры водного занавеса, что находится на Горе цветов и плодов, в стране Аолайго, на земле Пурравидеха, — отвечал на это Царь обезьян.

— Выгоните его вон! — вскричал тут патриарх. — Он, оказывается, лжец и обманщик! Как же может он говорить о самоусовершенствовании!

Царь обезьян, оторопев, изо всех сил продолжал отбивать поклоны.

— Я говорю сущую правду, — уверял он.

— В таком случае, — продолжал патриарх, — как можешь ты говорить, что прибыл сюда из Пурравидеха? Ведь Пурравидеха от здешних мест отделяют два океана и Южный материк. Как же мог ты добраться сюда?

— Я переплыл океаны, более десяти лет странствовал по суше и наконец добрался сюда, — отвечал с поклоном Царь обезьян.

— Вот как! Ну, раз ты пришел сюда не сразу, то это еще понятно, — промолвил патриарх. — А как твоя фамилия?

— Я никогда не проявляю своего характера, — отвечал Царь обезьян. — Когда меня бранят, я не обращаю внимания, и если даже бьют, то и тогда не сержусь. Наоборот, я становлюсь куда почтительнее — вот и все. За всю свою жизнь я ни разу не проявил характера.

— Да нет же, под словом «син» я подразумеваю не характер, а фамилию в вашем роду, — объяснил патриарх.

— У меня не было родителей, — сообщил Царь обезьян.

— Как же это у тебя не было ни отца, ни матери, — удивился патриарх, — ты что же на дереве вырос, что ли?

— Да нет, не на дереве, — отвечал Царь обезьян, — меня породил камень. Я знаю, что на Горе цветов и плодов стоит священная скала. Когда пришло время, она раскололась, и вот тогда я и появился на свет.

— Ну, в таком случае ты действительно являешься порождением неба и земли, — сказал патриарх. — Встань и пройдишь, я посмотрю на тебя.

Царь обезьян вскочил на ноги и вразвалку прошелся несколько раз.

— Скроен-то ты как-то нескладно — засмеялся патриарх, — и по виду напоминаешь обезьяну Ху-сунь, питающуюся кедровыми орехами. Если дать тебе фамилию в соответствии с твоим видом, то ты будешь называться Ху. Этот иероглиф состоит из трех частей: первая обозначает животное. Ее можно бы и откинуть. Но остальные две части имеют значение «древний» и «луна». Древний — это значит старый, луна — относится к темному началу в природе. А, как известно, ни старое, ни темное не поддаются перевоспитанию. Поэтому, пожалуй, лучше дать тебе фамилию Сунь, которая также состоит из трех частей. Если отбросить первую часть, обозначающую животное, то остальные две значат — «ребенок» и «отпрыск» и вполне соответствуют смыслу этих слов. Поэтому я даю тебе фамилию Сунь.

Выслушав это, Царь обезьян был безгранично счастлив и, отвечивая поклоны с благодарностью, воскликнул:

— Вот и прекрасно и чудесно! Только сейчас наконец я получил фамилию! Никогда не забуду, учитель, оказанную мне великую милость! Ну, а теперь, раз у меня уже есть фамилия, то я почтительнейше прошу дать мне еще и имя.

— В нашей школе есть двенадцать категорий иероглифов, которые мы берем для имен. Ты принадлежишь к десятой.

— А что это за иероглифы? — поинтересовался Царь обезьян.

— Это — гуан, да, чжи, хуэй, чжэнь, жу, син, хай, ин, у, юань, цзюэ, что значит: широта, величие, мудрость, даровитость, истина, уподобление, натура, океан, разум, понимание, совершенство и просвещенность. Ты по своему положению принадлежишь к десятой ступени, поэтому тебе следует дать имя У, что значит понимание. Мы дадим тебе еще буддийское имя, и будешь ты называться У-кун, что значит Познавший небытие. Таким образом, твое полное имя будет Сунь У-кун. Ну что, согласен?

— Чудесно! Замечательно! — радостно воскликнул Царь обезьян. — Отныне все будут называть меня Сунь У-кун.

Поистине можно сказать:

Тогда, когда лишь хаос был кругом

И родового не было деленья,

Когда же в пустоте небытия

Великое свершилось разрушенье,

То истина осознана была,

И мысль тогда в сознание вошла.

Если вы хотите узнать, каковы были успехи Царя обезьян в самоусовершенствовании, то прочтите следующую главу, которая вам об этом расскажет.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/286379>